

Много лет назад в литературное объединение пришёл школьник-девятник. Высокий и худой, в очках, чернявый и длинноволосый; ранец за плечами; английский язык в голове; репетиторы после уроков – и полное отсутствие свободного времени. В общем, девятый класс, канун экзаменов...

Мы поздоровались, я спросил о цели его визита, он нерешительно ответил:

– Я тут рассказ написал. Не могли бы вы его прочитать? Может быть, напечатать где-нибудь? Я бы очень хотел, – достал тетрадку, положил её на стол и сказал:

– Вот, – молодой человек смутился и, кажется, засомневался: стоит ли?

Помню, я тогда подумал: «Небось, опять вампиры, драконы и оборотни».

А надо сказать, что в те времена молодые люди весьма часто в своём творчестве изображали исключительно нечто потустороннее. Впрочем, барышни добавляли ещё каких-то белых волков, обращающихся в демонических, одиноких и недоступных печальных юношей.

– О чём же ваш рассказ? – спросил я.

– Да я сам не знаю, так, написал одну историю. Хотите, сейчас прочитаю?

– Нет-нет, вы оставьте, – ответил я. Сказал, что мне нужно самому прочитать, вникнуть.

Мы договорились созвониться, поговорить. И он ушёл. И больше я никогда его не видел.

А передо мной лежала тонкая школьная тетрадь. Уже дома я открыл её и увидел разборчиво и набело переписанный с черновика текст. Вот он:

«ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ

Прошлым летом я отдыхал в санатории за городом. Родители купили мне путёвку, чтобы я поправлял здоровье, соблюдал распорядок, ел яблоки и повышал гемоглобин. Меня поселили в двухместной уютной палате. Там был телевизор и санузел. Всё под рукой. Свободное от процедур время можно было проводить дома – в палате. Никто не мешает. Тем более, что жил я один: сосед мой почему-то не приехал. Хотя жить одному было скучновато, ведь в группе, куда меня записали, я никого ещё не знал. Нельзя сказать, что первое время было плохо. Совсем наоборот: дискотеки каждый вечер до одиннадцати, четырёхразовое питание. Но всё равно по вечерам хотелось есть. Ужин в санатории заканчивался в семь часов – до отбоя так проголодаешься, что живот закрутит. Дело в том, что родители, второпях, забыли мне оставить деньги на карманные расходы. А без денег в буфете – сами знаете... На дискотеки я не ходил. Не люблю танцевать: стесняюсь, мне кажется, я не умею двигаться.

И вот однажды вечером, гуляя по лесу – так мы называли сосновый бор, где находился санаторий, – я встретил девочку из нашей группы. Она была одна, и я этому случаю обрадовался. Я и раньше обращал на неё внимание. Но разговаривать робел что ли. Не то, чтоб я был очень робок, но к ней подойти не мог. А тут она первая со мной заговорила. Спросила, что я здесь делаю и почему не на дискотеке? Я ответил. Мы познакомились. Я узнал, что её зовут Катя, что ей тоже пятнадцать лет, что дискотек она тоже, как и я, не любит. С тех пор мы каждый вечер гуляли по лесу вдвоём. Спускались по крутому берегу к реке, говорили о музыке (она увлекалась гитарой и даже играла мне несколько раз), говорили про школу, про то, кто куда будет поступать после одиннадцатого.

А когда через неделю приехали мои родители навестить меня и привезли мне немного денег, – они мне были почти не нужны: есть по вечерам уже не хотелось. Не знаю почему.

Но всё когда-то заканчивается.

Закончился и наш сезон. Седьмого сентября нас рассадили по автобусам, и мы разъехались по домам. Потом я пошёл в девятый класс, и всё покатилося по-старому: школа, дом, уроки.

Уже зима. А я всё никак не могу забыть эту девочку. Я часто пишу ей письма, и она иногда отвечает мне на них».

Вот такая история. Вот такое наивное повествование, похожее на школьные сочинения на свободную тему, какие мы все давным-давно писали в начале сентября.

Но как же мне сказать этому юноше, что рукопись его не годится не только для печати, но и для обсуждения в узком кругу таких же молодых пишущих людей?

Как объяснить ему, что рассказ не состоялся, что язык его бесцветен, что он излагает, но не изображает? Как убедить его в этом, чтобы мои слова не оказались для него пустым звуком?

На следующий день я позвонил ему, представился, он поздоровался и замолчал в ожидании...

– Серёжа, я прочитал ваш рассказ, но понимаете...

И все эти мои «знаете» и «понимаете» звучали как вспомогательные части моей речи для связи слов. Я уж и не помню, чего я ему наговорил. Наверняка советовал больше читать, сравнивать прочитанное со своими литературными опытами, набивать руку и так далее. Говорил-говорил – да и закончил. Может быть, даже ляпнул в конце: «Ну, вот как-то так».

Нет, наверное, всё-таки не ляпнул. Это я сейчас придумал – я так себя истязую.

А тогда наступила пауза. И вдруг он спрашивает:

– Что, значит всё плохо? И никак ничего?

Я говорил, что нужно обсудить рукопись, что не всегда в творчестве можно доверять сиюминутным чувствам, говорил о взгляде на произошедшее и со стороны, и с высоты времени; говорил о сюжете и фабуле; о композиции, о тропях... Почти «шукшинская» ситуация. И я вдруг поймал себя на том, что будто оправдываюсь перед ним. И уже понимал, что мы говорим на разных языках. Я ему предложил приехать и поговорить.

Но Серёжа не приехал.

Та история, которая случилась с ним прошлым летом (вероятнее всего, впервые), так захватила его, так ошеломила, что захотелось на бумаге рассказать её кому-нибудь: себе, этой девочке Кате, друзьям, всем на свете, мне. Я даже уверен: она нравилась его слушателям.

Эта история была по сердцу и мне. Но, похоже, я оказался последним её читателем. Она мне нравилась своей чистотой и невинностью, тем, что произошедшее событие случается только раз, а событие следующее будет уже вторым, третьим, четвёртым. И предыдущий опыт не позволит ему – этому событию – быть таким невинным и чистым.

Но согласитесь, какой блестящий открытый финал этой истории для читателя: «Уже зима. А я всё никак не могу забыть эту девочку. Я часто пишу ей письма, и она иногда отвечает мне на них».

Как откровенно, не стыдясь, признаётся этот милый мальчик: он-то часто пишет, а она только иногда...И тут же тьма, и тут же свет, волнение, и награда, и снова беспокойство.

Вот и вспомнил я его слова:

– Я тут рассказ написал. Не могли бы вы его прочитать? Может быть, напечатать где-нибудь? Я бы очень хотел...

Конечно, очень бы хотел. А как же может-то быть иначе? И сразу представил его...

Давным-давно кто-то очень умный сказал, что человек садится за чистый лист писать стихи или, как в нашем случае, – прозу – с единственной и неосознанной целью: завоевать сердце предмета своего обожания. Все остальные желания вторичны и обдуманны. Но как порой хорошо, что та единственная цель оказывается недостижима. Значит, чего-то ещё не хватает. Что-то нужно ещё... Хотя, как говорят, ложка дорога к обеду.

